

ИДЕЯ САМОБЫТНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

*Работа представлена кафедрой культурологии СПбГУП.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. Г. Лукьянов*

В данной статье дается попытка выделить основные идеи ряда направлений русской общественно-философской мысли XIX–XX вв. Анализ данных идей, проведенный в статье, позволяет говорить о единой славянофильско-почвеннической линии мысли.

This article attempts to cover governing ideas of a number of social and philosophical schools of the 19th–20th century. An analysis made in given work carried inference of one slavophile and pochvennichesky mainstream.

Восемнадцатый век в России прошел под знаком начавшегося при Петре Великом вторжения западного образа жизни в быт и отчасти в идеологию дворянской верхушки. Народ оставался православным и придерживался тех же обычаев и представлений, что и в старину. Духовенство и мелкопоместное дворянство не составляли исключения. Массив мышления элиты тоже был православный и вполне патриотический, вестернизация была поверхностной. Появление интеллигенции внесло новый элемент в эту картину. Интеллигенция стала наиболее вестернизированной частью русского общества, но в то же время именно она осознала этот факт и постаралась выработать критическое отношение к нему.

Этому способствовали исторические обстоятельства жизни России в начале XIX столетия. После победы над Наполеоном национальное чувство русских упрочилось. Успехи русской исторической науки – в первую очередь «История» Карамзина – и первые достижения отечественной этнографии вместе с патриотической поэзией, «Иваном Сусаниным» Глинки, позже – Толковым словарем Даля содействовали упрочению русского самосознания и становлению русской национальной идеи. В этой обстановке появились первые попытки осмыслить место России во всемирной истории, определить особенности ее культуры.

Строго говоря, эти тенденции не были абсолютно новыми. Со времен «Проповеди»

митрополита Иллариона русские люди задумывались о том, что лежит в основе исторического бытия России. Но на рассуждениях духовных лиц лежал отпечаток эпохи, далекой от нашей. И лишь с начала XIX в. русские мыслители заговорили на языке, близком и понятном нам, людям XXI в.

Некоторые русские мыслители начала века пришли к выводу, что неустроенность русской жизни объясняется тем, что мы в силу исторических обстоятельств недостаточно приобщились к общехристианским ценностям, выработанным в Западной Европе. Такова была позиция П. Я. Чаадаева. Чаадаев был патриотом России, и патриотизм его был того же рода, что и патриотизм германизованного царского двора, царских генералов, половина из которых носила прусские и французские фамилии, придворных, среди которых, помимо представителей древних русских родов, было немало иностранцев. Смысл этого патриотизма сводился к петровской идее, согласно которой Россия любой ценой должна была стать мощной в военном, государственном и хозяйственно-культурном отношении державой, какой к тому времени была Франция и другие европейские монархии. Для этого следовало почаще воевать, основательней наполнять закрома пшеницей, развивать ремесла и поощрять деятельность архитекторов, ваятелей и художников.

Когда появилась русская интеллигенция, она усвоила такое отношение к родной стране, лишь с той разницей – бесспорно, немаловажной, – что вместо процветания имперской мощи ее помыслы обратились к упрочению народного благополучия, которое она понимала как материальную обеспеченность, грамотность и приличное медицинское обслуживание.

В России в начале XIX в. появились мыслители, которые выдвинули утверждение, согласно которому русская культура есть создание самого русского народа, отвечает особенностям его быта – самобытна. России предстоит идти своим собствен-

ным историческим путем, и путь этот ей указывает не только разум, но и доброе сердце. Следует не только стремиться облагодетельствовать народ с олимпийских высот европейского просвещения, но стать ближе к народу, лучше поняв его быт, его культуру, его образ мыслей.

Таким образом возникло направление русской мысли, образующее цепочку, звеньями которой являются концепции ранних славянофилов, затем монументальное теоретическое построение Н. Я. Данилевского¹, позже – идеи почвенничества в литературе и публицистике. Во второй половине XIX в. Н. Н. Страхов был в полемике с Вл. Соловьевым за философское наследие Данилевского².

Уже в годы Первой мировой войны В. Ф. Эрн выступил с позиций, близких к славянофильским, против германского милитаризма³. После Октябрьского переворота в России один из многочисленных беженцев И. А. Ильин встал на защиту своеобразия и самодостаточности русской культуры, сохранение подлинно русских ее ценностей. Он призывал⁴ Россию идти традиционным для нее путем сердца, а не холодного рассудка – но в духе времени прибавив к этому волю, – и действительно, русский народ и другие народы России проявили эту волю в тяжелые годы Отечественной войны. Мы стремились раскрыть логику становления традиции Хомякова – Данилевского – И. Ильина и позволили себе говорить о ней современными словами. Подлинники легко доступны. Теперь мы попытаемся выяснить, есть ли общие идеи у достаточно разнородных представителей направления, идущего от ранних славянофилов.

К числу общих идей относится, в первую очередь, ориентация на русскую историческую традицию, в особенности допетровскую. Многим отечественным мыслителям представлялось, что в Московском государстве русское существовало в некоей первозданной чистоте. В наше время мысль эта звучит приглушенно, проявляясь

чаще всего в высокой оценке древней иконы, церковных распевов, некоторых памятников письменности.

Но одна из возникших в древности традиций сохраняет в полной мере свое значение излюбленной темы славянофилов и их последователей. Это русское православие. В нем они видели и продолжают видеть основу духовности России, ее, говоря словами Фета, «патент на благородство».

Подчеркнутая религиозность не мешала философам-славянофилам увлекаться, в духе романтизма эпохи, фольклором с его колдунами, оборотнями и прочей нечистью. Интересовали русские народные сказки и И. А. Ильина⁵, в них он находил изображение исконной доброты русского человека (спорная вещь даже в сказках, а уж в действительности и подавно, на наш взгляд).

Внимание славянофилов и почвенников привлекало все местное, связанное с одним краем, и, следовательно, не мировое. Отталкивание от всеобщего, мирового в пользу исключительно русского – неперемнная черта славянофилов и почвенников всех оттенков.

Отказ от всеобщих схем исторического развития во имя характеристики отдельных субъектов исторического процесса, сосуществующих во времени, таких как единокровные многонациональные сообщества (славянство), культурно-исторические типы, отдельные народы (так, по Н. Н. Страхову, всемирная история была историей народов⁶). Эти субъекты исторического процесса рассматривались как самодовлеющие и своеобразные (самобытные), но не как ступени будто бы существующего общечеловеческого прогресса или же плод чужеземных влияний.

Этот подход закреплялся метафорой почвы. Подобно тому как растение определенного вида произрастает на особенной, ему подходящей почве, природный ландшафт, раса и прочие неизменные основы «народного инстинкта» (И. Ильин) вместе с «божественным предметом» обуславливают быт и культуру данного народа, и быт и культура не могут быть перенесены на другую почву. Идея почвы выросла из анало-

гии с живым организмом, с растением. На каждой почве, имеющей свой собственный состав, вырастают только те растения, которые ей свойственны. Подобно этому, расовые особенности народа, климат и природа его местообитания порождают особый тип культуры. Выросши на конкретной почве, культура не может быть пересажена на другую почву – не может быть передана другому народу. В ходе истории ее модифицируют превратности судьбы, но лишь в деталях. Основа культуры неизменна, не может быть преобразована волевыми усилиями. Ее можно только уничтожить, что и происходит при попытке ее переделать. Культура подобна дереву, писал уже в XX столетии Т. С. Элиот⁷, во многом близкий по мировоззрению к русским почвенникам. Ее, продолжал он, можно вырастить, но не сделать. Сделать можно машину. И не надо жаловаться, что, если мы посадили семя клена, вырастит клен, а не дуб.

Идея почвы была с различной откровенностью высказана в различных антизападнических теориях, но обычно присутствовала в них. Биологические аналогии вышли из моды в XX столетии.

И последним, возможно, наиболее важным моментом общей славянофильско-почвеннической линии мысли являлся культ сердца. Понятие сердца имело в славянофильско-почвеннической мысли особое значение. У него было два источника. Это православная традиция, в которой сердце понималось как духовное ядро личности, связанное небесной любовью с Богом, как некая первооснова человека, искра Божия в нем. Романтики начала XIX в. понимали сердце как очаг пламенной страсти, как человечность и нашу подлинность в противоположность холодному рассудку. У религиозно настроенных романтиков, у раннего Достоевского оба эти смысла сливались в единое целое. В историософском плане некоторые русские философы, например Иван Киреевский, противопоставляли сердечность русского человека рационализму Запада и расчетливости европейского буржуа.

Таковы некоторые идеи, общие для ряда направлений русской общественной мысли XIX–XX вв., позволяющие, как нам кажется, говорить о единой линии в русской мысли. Это направление постоянно противостоит западничеству. Западники утверждали, что методы ведения сельского хозяйства в России примитивны по сравнению с европейскими, что и вся техника в нашей стране отсталая, что культура России ограничена рамками привилегированных сословий, а за этими пределами разверзается бездна темноты и бедности. Их оппоненты тоже не были слепы к неустроенности русской жизни, но, в отличие от западников, видели спасение не в форсированном импорте европейских чудес, а в собственных усилиях, идущих в русле русских традиций. В этом вопросе проходила своеобразная разделительная линия между двумя направлениями.

Идеи представителей русской славянофильско-почвеннической мысли не поте-

ряли актуальности и в наши дни. Уже в последнюю декаду XX в. и начале века нынешнего вышли новые издания их книг. В частности, была несколько раз переиздана книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». В сборнике «Русская идея»⁸ (сост. Е. А. Васильев) представлены избранные места из сочинений А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и других авторов этого круга.

А главное – не утихают споры вокруг идеи самостоятельного развития России. Каким оно должно быть в XXI столетии? В какой мере мы можем заимствовать опыт других народов и культур? Как отстоять нам самобытность нашей культуры, не впадая в ксенофобию, не рискуя остаться в изоляции в современном мире, в котором взаимозависимость народов и культур выражена столь ярко? Мы полагаем, что чтение и изучение классиков русской историософской мысли поможет нам найти правильный ответ на эти вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: ЭКСМО, 2003.

² Страхов Н. Н. Борьба с западом в нашей литературе // Исторические и критические очерки. Кн. III. Киев, 1897. С. 181.

³ Русская философия: Словарь / Под ред. М. А. Маслина // Ст. О. В. Марченко. М., 1995. С. 634.

⁴ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 373.

⁵ Там же. С. 259–273.

⁶ Страхов Н. Н. Указ. соч. С. 174.

⁷ Eliot T. S. Notes Towards the Definition of Culture, London. P. 77.

⁸ Русская идея: Сб. произведений русских мыслителей / Сост. Е. А. Васильев; Предисловие А. В. Гулыги. М.: Айрис-пресс, 2002.